
РЕЦЕНЗИИ, ПРЕЗЕНТАЦИИ, ПЕРСОНАЛИИ

И.В. Бруяко

OČIR-GORJAEVA M. PFERDEGESCHIRR AUS CHOŠOUTOVO. SKYTHISCHER TIERSTIL AN DER UNTEREN WOLGA (ARCHÄOLOGIE IN EURASIEN. BD.19). 2005

I.V. Bruyako. On M. Očir-Gorjaeva's *Pferdegeschirr aus Chošoutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga* (Archäologie in Eurasien. Bd. 19).

The author reviews M. Očir-Gorjaeva's monograph on a harness found hidden at Hosheutovo (the Low Volga region), which is the most interesting archaeological object.

Монография М.Очир-Горяевой представляет собой исчерпывающую публикацию чрезвычайно интересного комплекса скифского времени в Нижнем Поволжье – Хошеутово. Фактически подведен итог изучения этого объекта, которое осуществлялось автором на протяжении ряда лет. Этапы этого исследования получили отражение в нескольких предварительных публикациях.

Комплекс был обнаружен случайно, при проведении строительных работ. Он представлял собой погребальную яму, в которой находился костяк, и небольшую округлую яму, где и были сложены все предметы упряжи. Дно ямы с упряжью находилось на 70 см ниже дна погребальной ямы. Автор полагает, что комплекс образуют два отдельных объекта – собственно погребение и яма с упряжью. Последняя символизирует захоронение нескольких лошадей (с.6). Впоследствии, на основании реконструкции 11 уборов, устанавливается и количество таких, виртуальных лошадей – 11. Всего, в комплексе присутствовало 338 единиц уздечных принадлежностей в т.ч. 196 выполненных в зверином стиле (с.2).

Несмотря на то, что захоронение оказалось разрушено (найдено, по сути случайно), а часть предметов возможно утеряна, исключительная важность данной находки вполне очевидна. Эффектность, разнообразие и большое количество предметов, образующих 11 комплектов упряжи делают комплекс из Хошеутово уникальным в

своем роде. Во-первых, по сравнению с другими категориями инвентаря, известно не так много скифских комплексов с конской гарнитурой вообще, тем более в таком количестве. Во-вторых, на фоне таких комплексов, обнаруженных в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, более восточные районы евразийской степи (в т.ч. и Нижнее Поволжье) довольно бедны находками упряжи в погребениях.

Значительная часть исследования посвящена определению функций отдельных предметов и реконструкции уборов. И, если к примеру с псалями особых проблем не возникло, то этого нельзя сказать о других предметах (наносники, распределители ремней). В итоге, функциональные определения закреплены графическими реконструкциями, при которых учтены и возможно утерянные, типологически подобные вещи. Такой подход автора представляется весьма продуктивным, особенно на фоне довольно пространных и исключительно вербальных пояснений, которыми, к примеру, исследователи упряжи предскифского периода сопровождают свои реконструкции колесничных наборов. Восстановление конских уборов, выполненное Очир-Горяевой выглядят вполне достоверно и не вызывают возражений.

Основой для реконструкции послужили полностью сохранившиеся комплекты узды из комплексов европейской Скифии (Толстая Могила, Огуз, Мелитополь), а также алтайские курганы, где *in situ* сохранились не только металли-

ческие детали, но и элементы упряжи, выполненные из органических материалов – ремни, узлы, завязки и пр. (с.18-19). Алгоритм реконструкции включает 5 последовательных операций (шагов). Причем, каждый такой шаг охватывает все 11 наборов (с.23-27). В результате, стало возможным выделить 3 стилистические группы наборов – «пышные» гарнитур (3 комплекта), «классические» (5) и «простые» (3 [с.35-36]).

За стилистическим критерием классификации, в описанных трех группах можно видеть 3 последовательные фазы эволюции комплектов конской упряжи – «простой» > «классический» > «пышный». Против такого, напрашивающегося толкования, как будто бы свидетельствует то, что все три группы найдены в 1 комплексе. Однако, это противоречие может быть не столь очевидным, если вспомнить, что в алтайских курганах среди большого числа лошадей, одна или две выделялись на фоне остальных богатством убора. Это могло быть т.н. «ведущее» животное (*Leitiere*) в похоронной процессии. Такая ситуация наиболее наглядно прослеживается в пяти Больших Пазырыкских курганах. Так, в кургане №1 из 10 лошадей, 2 можно считать «ведущими». В кургане №2 такое соотношение выглядит как 14 и 2; в кургане №3 – 7 и 2; в кургане №4 – 14 и 1; в кургане №5 – 9 и 1 (с.38).

В итоге, 11 наборов конской узды из Хошеутово признаны церемониальными погребальными украшениями лошадей, сопровождавших захоронение какого-то выдающегося представителя скифских племенных групп нижневолжского региона (с.39). Отсутствие костяков лошадей позволяет определить семантический статус комплекса с уздой как *pars pro toto*. Правда, по этому признаку публикуемый комплекс, как раз и выделяется на фоне других, привлекаемых для сравнения и в которых наряду с упряжью обычно присутствовал и конь. Может быть, в данном случае имело смысл вести раскопки объекта на более широкой площади, учитывая, что иногда погребение лошади и ее «хозяйина» разделяет несколько метров.¹ Осталось неясным, считать ли данный комплекс грунтовым захоронением, либо он мог находиться под насыпью кургана, которая на момент раскопок была полностью сnivelирована. Правда, по моему, единственный раз (с.52) мы читаем, что погребение из Хошеутово было все же перекрыто курганной насыпью. В любом случае, рас-

копки на широкой площади были бы весьма желательны, однако, понятно, что это пожелание не может быть адресовано автору монографии.

Топографическая локализация Хошеутово показывает известную изолированность этого комплекса относительно основных групп погребений этого времени в бассейне Нижней Волги. Из этого следует вполне правдоподобный вывод о том, что низовья Волги в этом районе могли представлять собой весьма подходящее место для кочевых зимников (с.6), один из которых, возможно и обозначает публикуемый комплекс.

На основе анализа большого числа подобных комплексов от Северного Причерноморья до Внутренней Монголии, автор приходит к выводу о необходимости их типолого-стилистического разделения на 3 территориальные группы – западная, восточная и нижневолжская. При этом, для последней, отмечены некоторые оригинальные композиционные решения в зверином стиле, встреченные именно в Хошеутово (рис.42,14). Тем самым, круг аналогий, привлекаемый М.Очир-Горяевой, показывает наличие в Хошеутово, как «западной» и «восточной» составляющих, так и еще одну, третью, которая характерна только для района Нижнего Поволжья (с.124-125)

Определяя место Хошеутово среди всего ареала таких комплексов, автор отмечает устойчивые параллели, которые связывают это нижневолжское погребение с западным ареалом – Причерноморской Скифией, в особенности лесостепной ее частью. Этот круг аналогий позволяет датировать Хошеутово первой половиной-серединой V в. до Р.Х. (с.50-51), что вполне подтверждается (и подтверждает) работами А.Ю.Алексеева хроноиндикаторов скифских погребальных комплексов конца VI-V вв. до Р.Х. (Алексеев 1991). Далее, привлекаемая погребения из Нимфея, которые наряду с деталями конской упряжи содержали античный керамический импорт, М.Очир-Горяева сужает датировку Хошеутово до второй четверти V в. до Р.Х. (с.71-72; 125).

Используя такой, весьма яркий и информативный комплекс, автор на его фоне вначале анализирует всю группу погребений с упряжью из Нижнего Поволжья, а затем и Южного Приуралья. По месту расположения предметов упряжи и собственно погребения друг относительно друга в курганной насыпи выделено 3 группы. Первая – комплексы с уздой в курганной насыпи (без погребений), вторая – комплексы с уздой в погребении и третья – комплексы с упряжью вне погребений. При этом, возможно, что

¹ В Северо-Западном Причерноморье такие примеры дают захоронения первой половины V в. до Р.Х. в курганах у сс.Николаевка и Червоный Яр.

1 группа комплексов в Нижнем Поволжье насчитывающая два объекта (с.53), создана в некоторой степени искусственно. Курган №1 из Кривой Луки, где предположительно находилось разрушенное скифское погребение, вполне можно отнести к 3 группе комплексов. Большинство комплексов 1 и 2 групп содержали неполные комплекты. В целом же, наборы этих групп, исходя из стилистических особенностей, автор предлагает считать «повседневной» упряжью. Наборы 3 группы – парадными. Соответственно, датировка «повседневных», простых комплектов определяется второй половиной VI – началом V вв., а парадных – т.н. стиля «скифского барокко» – первой половиной V в. до Р.Х. Пять из 18 комплектов относятся к раннему этапу (с.126).

Несмотря на то, что выход на узкие даты обеспечивается западными («скифскими») аналогиями в первую очередь, до настоящего времени памятники Урало-Поволжского региона VI- IV вв. до Р.Х. рассматриваются в основном в системе восточных древностей т.н. «савроматского» круга. По-видимому, это обстоятельство заставляет автора при определении места памятников Нижневолжского региона проецировать их, главным образом, на область Южного Приуралья. Хотя, говоря об этнокультурной позиции комплекса из Хошеутово, автор полагает, что он мог принадлежать носителям именно скифской культуры.

Сопоставление синхронных кочевнических комплексов действительно показывают существенные отличия между памятниками Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Из примерно 300 инвентарных погребений в Нижнем Поволжье только в 18 присутствуют части конской упряжи. В Южном Приуралье число погребений с упряжью насчитывает 66.² Как видно, здесь доминируют полные комплекты упряжи, чего нет в Поволжье, а кроме того в Приуралье известны захоронения коней, иногда даже с деталями седел, чего, опять-таки, нет в Поволжье (с.73,122,126). По сочетаниям различных признаков погребального обряда, где была зафиксирована упряжь, в Южном Приуралье автор выделяет 7 групп. Причем, примерно треть образуют плохо документированные (плохо раскопанные) комплексы.

Вообще, в работе очень много разнообразных группировок по сочетаниям признаков, которые в большинстве случаев остаются на

² Хотя, на с.120, складывая 52 полных комплекта упряжи и 11 неполных, мы получаем цифру 63. А на с.126, суммируя количество комплексов, разделенных на 7 групп, – 65.

уровне констатации и, надо надеяться, будут востребованы в дальнейшем для более широких обобщений

В итоге, М.Очир-Горяева остановилась на определении общего и особенного в обеих территориальных группах памятников. Попытки объяснить это сводятся к «неизвестным до настоящего времени аспектам религиозной и материальной культуры кочевников скифского времени в обоих регионах». Фрагментарность наборов объясняется не только обрядовой стороной процесса погребения, но и ценностью конкретного набора (с.127). Хотя, ясно, что если в обряде задействована часть комплекта, то другая его часть также уже не будет иметь практической ценности.

Завершает монографию краткий историко-этнографический экскурс, касающийся роли коня в жизни этнографических кочевников Нового времени, в частности калмыков.

Безусловную, положительную оценку данной монографии в целом, несколько не умаляют отдельные минусы, касающиеся в основном ее структуры и способа подачи материала. Так, неудобным представляется отсутствие развернутых подписей под рисунками. Особенно это заметно для сводных таблиц. К примеру, на рис.42 представлены типы упряжи в зверином стиле из трех основных территориальных групп – западной, восточной и нижневолжской. Однако, вещи в таблице приводятся не из этих соответствующих районов, а именно из Хошеутово. На иллюстрациях-аналогиях отсутствует масштаб. Понятно, что это весьма кропотливая работа, но если автор вводит линейные параметры вещей исходного комплекса в качестве основы типологии, то вещи, приводимые в качестве аналогий должны иметь масштаб.

Очевидно, что из перечня аналогий выпало несколько довольно важных комплексов западной группы – Червоный Яр, Арциз, Николаевка, Никольское (Агульников, Бубулич 2000; Алексеева, Булатович 1990; Алексеева и др. 1997). Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что некоторые из них мало известны из-за отсутствия развернутых, качественных публикаций.

Иногда кажется, что автор не очень четко придерживается структуры монографии. Возможно, она не слишком удачна, поскольку отдельные главы, к примеру, слабо связаны между собой. Раздел по Южному Приуралью, занимающий фактически треть объема, выглядит почти самостоятельным сюжетом.

И последнее. На наших глазах происходит явная нормализация научно-издательского процесса. Достигается это, по-видимому, разными

путями, но неизменно дает хорошие результаты. Появилась серия полиграфически качественных, очень обстоятельных, не стесненных фи-

нансовыми и редакторскими рамками, публикаций отдельных археологических памятников. В эту серию входит и книга М.Очир-Горяевой.

ЛИТЕРАТУРА

Агульников С.М., Бубулич В.Г., 2000. Скифский курган 9 у с.Никольское на Нижнем Днестре// Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. М-лы полевого семинара. Тирасполь. С.47-56.
Алексеев А.Ю.,1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в.до н.э.// АСГЭ №31. С.43-56.
Алексеева И.Л., Булатович С.А.,1990. Два кургана на ле-

вобережье Днестровского лимана// Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. Одесса-Запорожье. С.35-48.
Алексеева И.Л.,Охотников С.Б.,Редина Е.Ф.,1997. Скифские погребения у г.Арциз// Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в.до н.э. – IV в.н.э.). Тирасполь. С.48-55.

Статья поступила в номер 20 марта 2008 г.